

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА 24.1.041.01,
СОЗДАННОГО НА БАЗЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ**

**«ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН» ПО ДИССЕРТАЦИИ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК**

аттестационное дело № _____

решение диссертационного совета от 16 февраля 2026 г. № 1

О присуждении Новосёловой Евгении Олеговне, гражданке Российской Федерации, ученой степени кандидата исторических наук.

Диссертация «Влияние западной исторической науки на формирование японской буддологии в конце XIX - начале XX вв» по специальности 5.6.2. Всеобщая история, принята к защите 6 октября 2025 г. (протокол № 8) диссертационным советом 24.1.041.01, созданным на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт востоковедения РАН», 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12, приказом ВАК РФ № 105/нк от 11.04.2012 г.

Соискатель Новосёлова Евгения Олеговна, 1997 года рождения, в 2019 г. окончила бакалавриат, а в 2021 г. – магистратуру Института стран Востока по специальности 41.04.01 (41.03.31 на момент 2019 года) «Зарубежное регионоведение». В 2024 г. окончила аспирантуру ФГБУН ИВ РАН по специальности 5.6.2 «Всеобщая история».

Диссертация «Влияние западной исторической науки на формирование японской буддологии в конце XIX - начале XX вв» выполнена в Отделе сравнительного культуроведения Института востоковедения Российской академии наук.

Научный руководитель – Лепехова Елена Сергеевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН.

Официальные оппоненты:

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт международных отношений, профессор кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований Высшей школы востоковедения «Восточный разряд» Института международных отношений, истории и востоковедения.

Воробьева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН», ведущий научный сотрудник отдела историко-теоретических исследований, дали положительные отзывы на диссертацию.

Ведущая организация – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «**Институт восточных рукописей РАН**» в своем положительном заключении, подготовленном Щепкиным Василием Владимировичем, кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником отдела Дальнего Востока ИВР РАН и Пан Татьяной Александровной, кандидатом исторических наук, заведующей отделом Дальнего Востока, и утвержденном и.о. директора ИВР РАН членом-корреспондентом РАН, д.и.н. Поповой Ириной Фёдоровной, указала, что «диссертационное исследование Новосёловой Евгении Олеговны посвящено влиянию западной исторической науки на формирование японской буддологии в конце XIX – начале XX вв. Автор помещает этот вопрос в контекст проблемы межкультурного взаимодействия как фактора развития научных, в частности, гуманитарных дисциплин. В то же время, по справедливому замечанию автора, история японской буддологии зачастую рассматривается лишь как один из аспектов японской религиозной истории, без должного внимания к взаимоотношениям между исследователями и буддийским сообществом за пределами академических учреждений и к буддологии как части глобальной истории дисциплины. Кроме того, многие такие работы создаются не японо-

ведами, которые «рассматривают формирование современных гуманитарных дисциплин в Японии как процесс безусловного заимствования западной научной модели» и игнорируют или отрицают наличие автохтонной исследовательской традиции. В этом смысле работа Е.О. Новосёловой, основанная на теории культурного трансфера и направленная на преодоление европоцентризма в восприятии истории формирования гуманитарных наук в Японии, является актуальной».

Соискатель имеет 5 опубликованных работ по теме диссертации, из них в рецензируемых научных изданиях опубликовано 3 работы.

Работы, опубликованные в рецензируемых научных изданиях из перечня ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1) Новосёлова Е.О. Буддийские журналы периода Мэйдзи (1868-1912) как медиатор глобализации японского буддизма// Вестник БНЦ СО РАН, 2024, 2(54) — С.123-128.

2) Новосёлова Е. О. Исследования древнеиндийских текстов как ключевое направление в ранней японской буддологии// Восток. Афроазиатские общества: история и современность, 2025. № 1. С. 236-245.

3) Новосёлова Е.О. Японские буддийские журналы как средство поддержки миссионерской деятельности в конце XIX-начале XX века// «Японские исследования». 2025, №2. С.21-37.

Другие научные публикации:

1) Новосёлова Е. О. Особенности японского нативного научного базиса, или проблема «научного знания» вне западной традиции// Историческая психология и социология истории. 2022. Т.16. №1. —С. 138-147.

2) Новоселова Е. О. Проблема понятия "народный буддизм" в религиоведении Японии / Е. О. Новоселова // Вестник Института востоковедения РАН. – 2022. – № 4(22). – С. 110-119.

На диссертацию и автореферат поступили следующие положительные отзывы.

От ведущей организации – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт восточных рукописей РАН».

В отзыве отмечается, что диссертация Новосёловой Евгении Олеговны посвящена решению важной научной задачи – анализу академизации японской буддологии в XIX—XX вв и влиянию западной исторической науки на этот процесс. Автор обоснованно помещает вопрос в контекст проблемы межкультурного взаимодействия как фактора развития научных, в частности, гуманитарных дисциплин, стремясь преодолеть упрощенное понимание истории науки как процесса безусловного заимствования западной научной модели. Автор также справедливо указывает на то, что до сих пор история дисциплины зачастую рассматривалась лишь как аспект религиозной истории, без должного внимания к взаимоотношениям между исследователями и буддийским сообществом за пределами академических учреждений и к буддологии как части глобальной истории дисциплины, что подчеркивает актуальность данного исследования.

Структура диссертации обусловлена исследовательскими задачами, сформулированными автором, но также является результатом приложения к исследуемому материалу теории культурного трансфера, подразумевающей три этапа — отбор, передачу и рецепцию. Соответственно, работа разделена на три главы: первая посвящена автохтонной традиции гуманитарных наук до второй половины XIX века с упором на эпоху Токугава, вторая — периоду активного заимствования концепций в эпоху Мэйдзи, а третья — процессу институционализации дисциплины до начала эпохи Сёва. Помимо трех глав работа содержит Введение, Заключение и Библиографию (список использованных источников и литературы).

В результате проведенной работы автор пришла к выводам, наиболее важными из которых можно признать следующие:

1) Ещё до знакомства с западной буддологической школой в Японии существовала собственная традиция, сложившаяся под влиянием китай-

ской, которая позже была успешно соединена с методами, заимствованными из Европы;

2) Становление японской буддологии представляло собой двунаправленный процесс: заимствование европейской научной мысли с одной стороны и «трансфер» буддизма в Европу, в том числе в форме передачи европейцам канонических текстов и их переводов;

3) Первые буддологические исследования в Японии были продиктованы соображениями критики и защиты буддизма на политической арене и изначально носили утилитарный характер.

4) Восприятие парадигм европейской научной мысли в Японии приобрело уникальные черты, нашедшие отражение в том, что японские позитивисты, в отличие от европейских, считали религию важным компонентом исторической и социальной научной мысли и не отринули ее в своих научных исследованиях.

Данные выводы полностью обоснованы и обладают бесспорной научной новизной. Они свидетельствуют о выполнении всех поставленных в исследовании задач и достижении цели работы.

В отзыве содержатся следующие замечания и комментарии:

1) Указывается, что объектом исследования не могут выступать источники исследования, как это сформулировано в работе.

2) Критикуется оформление цитирования журнальных статей и межавторских сборников, со ссылкой на журнал и страницы размещенной статьи без указания названия самой статьи и с указанием не всех авторов и редакторов в сборниках.

3) В частности, сборник статей 2023 года "Learning from the West, Learning from the East: The Emergence of the Study of Buddhism in Japan and Europe before 1900" в одном случае приписывается авторству Ханса Мартчана Крамера и Ориона Клаутау (с. 9 и 21), в другом — Стефана Кигенсана Личи и Ханса Мартина Крамера (с. 18), в то время как последние

двое являются редакторами-составителями, но не единственными авторами, а Орион Клаутау не имеет к нему отношения. Одной из работ Майкла Пая называется "Method & Theory in the Study of Religions", хотя это название сборника, в котором помещена его статья с другим заглавием;

4) Рецензенты отмечают анахронизмы в утверждениях об участии Токугава Мицукуни в составлении законов 1601–1615 гг., при том, что автор корректно приводит годы жизни деятеля, и датировку «Манъёсю» XVII веком.

5) Рецензенты полагают, что законодательную деятельность принца Сётоку следует рассматривать скорее в контексте неразделенности конфуцианских и буддийских идей в восприятии японцев начала VII века, нежели стремления «объединить буддизм и конфуцианство», как утверждает автор.

6) В описании связи теории Ниси Аманэ с буддийской традицией, утверждение о буддийском происхождении терминов «хикан» и «сикан» выглядит недостаточно обоснованным, поскольку первые иероглифы в данных биномах являются попросту указательными местоимениями «этот» и «тот», также перепутаны иероглифические написания терминов.

7) Отмечается обширное цитирование оригиналов источников при наличии в работе их переводов автором на русский язык без филологического комментария.

Тем не менее, несмотря на изложенные недочеты, вышесказанные замечания носят характер наблюдений и рекомендаций для учёта в дальнейшей работе и нисколько не снимают достоинств диссертации. Тема работы признана важной и актуальной, соответствующей паспорту специальности 5.6.2 — Всеобщая история.

Основные результаты диссертации являются новыми, они отражены в 5 (пяти) научных публикациях, из которых 3 (три) — в ведущих рецензируемых журналах, определенных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ, а также апробированы в виде

докладов на 5 (пяти) международных и всероссийских конференциях. Автореферат полно и правильно отражает содержание диссертации. Представленные в диссертации результаты будут востребованы в дальнейшем изучении истории Японии, в частности, становления гуманитарного знания в новое и новейшее время.

Диссертация может представлять интерес для научных и образовательных учреждений, в которых ведутся исследования по истории Японии, буддологии и в целом по истории гуманитарных наук и международного научного взаимодействия, а полученные результаты послужат ценным материалом для лекционных курсов и спецкурсов в таких учреждениях.

Таким образом, диссертационное исследование Новосёловой Евгении Олеговны соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям по действующему «Положению о порядке присуждения ученых степеней», а её автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук.

От официального оппонента – Мартынова Дмитрия Евгеньевича, доктора исторических наук, доцента, профессора кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований Высшей школы востоковедения «Восточный разряд» Института международных отношений, истории и востоковедения ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт международных отношений.

Диссертационное исследование Е.О. Новосёловой посвящено чрезвычайно актуальной проблематике истории гуманитарных наук в контексте теории культурного трансфера. Как отмечает оппонент, в современном научном сообществе сформировался определенный запрос на ревизию религиоведческой терминологии и переосмысление понятия религии как таковой. Работа автора своевременно обращается к критическому периоду — переходу традиционной японской буддологии в условиях формирования религиоведения как западной науки в XIX–XX вв. и кристаллизации япон-

ской модели буддологической дисциплины. Особую ценность работе придает то, что автор ориентируется на национальные французскую и немецкую историографии, что выгодно отличает работу в условиях почти тотального следования руслу англо-американских наработок. Исследование вклада Японии в глобальные буддологические исследования в транзитивный период (от поздней эпохи Токугава до эр Мэйдзи и Сёва) является актуальным и целостным.

Научная новизна диссертации не вызывает сомнений и обусловлена сменой парадигмы исследования, когда внедрение идейного наследия европейских научных школ в японскую науку (на примере религиоведения) рассматривается как гибридизация, а не заимствование. Предложена авторская периодизация формирования академической японской буддологии, обоснованы уникальные черты японской буддологической школы в ее отличии от западных. Новой для отечественной историографии (и буддологии вообще) является демонстрация интеллектуального обмена как коммуникативной сети, способствующей передаче идей.

Оппонент подчеркивает, что автор противопоставляет теорию культурного трансфера М. Эспаня и М. Вернера традиционному компаративизму. Такой подход признан обоснованным, так как компаративный метод часто требует «искусственного конструирования тождества» там, где культуры неидентичны. Методология изложена во введении наглядно и образцово, с учетом всей многомерности ситуации. Положения, выносимые на защиту, сформулированы чётко и наглядно, логически вытекают из содержания диссертации, и в достаточной степени аргументированы в тексте работы.

Структура диссертации определяется поставленными целями и задачами, архитектоника признается оптимальной, характеризующейся последовательностью и внутренней связностью. Её описание в отдельной секции введения, несомненно, помогает читателю диссертации.

Работу следует признать построенной на весьма достойной базе источников и литературы. В библиографии перечислены 98 позиций источников (на японском, русском, китайском, английском, немецком и французском языках), круг которых достаточно обоснован. Секция научно-аналитической литературы включает 182 библиографические единицы на тех же языках. Эта информационная база позволяет достаточно фундировать теоретические и аналитические разделы разбираемой диссертации и делает тезисы, выносимые на защиту и выводы диссертанта весьма обоснованными. Оппонент особо выделяет замечательную структурированность источниковой базы.

Работа характеризуется оптимальной архитектурой и внутренней связностью. В первой главе, посвященной периоду Токугава, наиболее сильной стороной признан анализ понятийного аппарата. Автор убедительно показывает, как полемические произведения буддистов и конфуцианцев постепенно эволюционировали в «подлинные исследовательские работы». Очерк развития токугавской санскритологии признан «превосходным». Во второй главе автор доказывает гибридный характер рецепции. Оппонент согласен с тезисом о теснейшей связи японского религиоведения и ранкеанской историографии, указывая, что западный позитивизм гармонично коррелировал с конфуцианским «доказательным изучением». Важным выводом главы является то, что трансфер был двусторонним: западная общественность переосмысляла буддизм так же интенсивно, как японцы — западную философию. В третьей главе автор успешно завершает анализ институционализации дисциплины. Выделение Токийской (историко-филологической) и Киотской (философской) школ рассматривается как формирование автономной научной традиции, способной развиваться вне зависимости от европейских центров. К сильным сторонам текста оппонент также относит наличие в каждой главе выводного параграфа, отличающегося высокоцентрированным и структурированным изложением.

Несмотря на общую высокую оценку, в отзыве сформулирован ряд

замечаний, носящих преимущественно дискуссионный или технический характер:

1) Оппонент указывает на отсутствие в библиографии монографии А.А. Толстогузова «Японская историческая наука», использование которой могло бы уточнить акценты в первом параграфе.

2) Возник вопрос о необходимости привлечения китайского перевода памятника «Самгук юса» при наличии качественного русского перевода Ю.В. Болтач (2018).

3) Тезис о «кризисе буддизма» в эпоху Токугава назван несколько «упрощенным» для японских реалий. Также отмечено использование термина «аффилированный» применительно к XVI веку, что кажется оппоненту избыточным.

4) Указано на наличие досадных опечаток (на титульном листе, в словах «реконструировать» и «появились в ходу»).

5) В качестве методологического замечания указано на избыточную дробность композиции: три параграфа первой главы соответствуют одной задаче, что «не соответствует принятым стандартам» и формально может создавать впечатление обеднения работы. Однако этот подход оправдан сложностью и многомерностью поставленной автором научной проблемы.

6) Теоретическая основа исследования подана в форме перечисления, ей не хватает аналитичности.

Тем не менее, подчеркивается, что данные вопросы «не снижают достоверности авторских выводов» и не портят общего впечатления от труда.

Работа выполнена самостоятельно на солидном комплексе первоисточников и историографических источников, и является существенным вкладом в российскую историографию японской буддологии и истории развития гуманитарных наук. Подобраны интереснейшие материалы, диссертация легко читается, а немногие шероховатости незаметны.

В заключении оппонент характеризует Е.О. Новосёлову как «полно-

стью сложившегося успешного специалиста», обладающего редким сочетанием широкой эрудиции и методологической глубины. Диссертация признается «существенным вкладом в российскую историографию» японской буддологии и истории гуманитарных наук. Работа соответствует всем требованиям пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней» (редакция 2024 г.), а ее автор, Евгения Олеговна Новосёлова, безусловно «заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук» по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

От официального оппонента – Воробьевой Ольги Владимировны, кандидата исторических наук, доцента, ведущего научного сотрудника отдела историко-теоретических исследований, ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН».

Оппонент характеризует диссертацию как исследование, выполненное в русле самых современных историографических тенденций. Актуальность работы обоснована необходимостью перехода от националистического подхода к транснациональной перспективе. Оппонент подчеркивает, что Е.О. Новосёлова предлагает «интегрирующий взгляд на историю», рассматривая становление японской науки не изолированно, а через ее внутренние и внешние связи. Особое значение придается «постколониальной критике» европоцентризма. Автор справедливо оспаривает мнение о том, что японские гуманитарные дисциплины возникли как результат «безусловного заимствования». Работа признана по-настоящему комплексной, так как она анализирует интеллектуальную культуру переломной эпохи, затрагивая глубокие изменения в сознании и способах осмысления мира в японском обществе. Подчеркивается обширная и репрезентативная источниковая база диссертации, а историографический обзор во введении свидетельствует о большой работе, проведенной автором и высокой степени освоения материала.

Рецензент выделяет несколько принципиально новых положений, выдвинутых автором:

1) Впервые в науке автор представила сложную систему взаимодействий между японским духовенством, академической средой и европейскими специалистами. Это позволило уйти от описания отдельных биографий к системному анализу интеллектуального обмена.

2) Оппонент поддерживает использование теории М. Эспаня и М. Вернера в качестве относительно новой исследовательской оптики, отмечая, что автор «творчески применила и адаптировала» эту оптику. Трансфер показан как взаимный процесс, исключая упрощенную модель «донор — реципиент» и демонстрирующий «взаимное обогащение» обеих культур.

3) Новизна работы заключается в привлечении исследовательского инструментария «перекрестной истории» (*histoire croisée*). Автор учитывает не только западное влияние, но и роль «контрабандной литературы», а также вклад южноазиатских и китайских буддистов («третья сторона»).

Оппонент характеризует композицию работы как «хорошо продуманную и стройную», отмечая её соответствие этапам трансфера: отбору (*selektion*), передаче (*vermittlung*) и рецепции (*rezeption*).

В первой главе высоко оценено стремление автора показать наличие развитой традиции филологической критики источников в Японии до появления европейцев. Отмечено, что интеграция западного знания носила «органический, а не революционный характер», опираясь на базу синтеза чжусианской и буддийской философии, а также многоканальность трансфера.

Во второй главе автор успешно демонстрирует сложность циркуляции идей — от инерции до «гибридизации и семантических сдвигов». Автору удалось продемонстрировать особенность циркуляции западных идей в японском обществе, а также взаимность заимствования идей европейскими и японскими буддологами. Впервые в науке автор попыталась сконструировать сложную коммуникативную сеть из представителей японского духовенства, первых представителей академической среды, общественных организаций и печатных изданий Японии и их европейскими аналогами.

Оппонент подчеркивает, что включение не только академического, но и религиозного и общественного контекстов существенно повысило доказательную базу исследования. Автору удалось продемонстрировать особенность циркуляции западных идей в японском обществе.

В третьей главе детально проанализированы признаки академизации: открытие кафедр, создание журналов и возникновение уникальных Токийской и Киотской школ. Диссертантке удалось показать формирование независимой научной традиции как форму культурной адаптации, подчеркивается, что формирование уникальных буддологических традиций данных школ показано на конкретном материале.

Оппонент полагает выбранный автором исследовательский подход убедительным, сделанный в Закл^ючении вывод об академизации японской буддологии посредством культурной адаптации обоснованным и исследование логически завершенным.

Оппонент предлагает следующие критические замечания и уточнения:

1) Предложено расширить объект исследования до «феномена интеллектуальной культуры Японии», поскольку в работе рассматривается не только академическая буддология, и скорректировать формулировку цели, так как анализ является средством, а не конечной целью.

2) Оппонент считает объяснение перехода с англо-французских на немецкие модели «недостаточным», предлагая учитывать привлекательность Бисмарковской системы управления и подчеркнуть роль Г. Зерффи как ключевого популяризатора немецкого историзма.

3) Оппонент считает дискуссионными вопросы о статусе Хаяси Радзан и Людвиг Рисса. Автор диссертации утверждает, что Рисс ошибочно воспринимается рядом исследователей как ранкеанец, поскольку не был его прямым учеником, оппонент же утверждает, что, несмотря на отсутствие прямого ученичества у Ранке, он был безусловным «носителем его

идей». В качестве дискуссионного момента отмечена интерпретация деятельности Хаяси Радзан. Оппонент указывает на неправомерность требования «полной беспристрастности» от историка той эпохи, поскольку исследователь никогда не находится в нейтральной позиции. По мнению рецензента, автор диссертации излишне жестко противопоставляет «эмпирическую истину» и «идеологические задачи» Радзан, в то время как его работа по выявлению анахронизмов в древних свитках уже свидетельствовала о высоком уровне критического анализа источников.

4) Отмечено, что стадии трансфера являются «интеллигибельными конструктами», и в реальности их невозможно четко дифференцировать, так как отбор и рецепция всегда взаимопроникаемы.

5) Рекомендовано обратить внимание на ряд отечественных и зарубежных трудов, посвященных культурному трансферу, в частности, сборник «Пересекая культурные границы: историография в глобальной перспективе», для усиления теоретической базы.

Несмотря на наличие дискуссионных моментов, оппонент подчеркивает, что они «носят частный характер и не влияют на общую положительную оценку». Исследование признано самостоятельным, законченным и обладающим несомненной научной новизной и может представлять значительный интерес для отечественных историков и использоваться в учебных процессах высшей школы.

Работа полностью соответствует требованиям ВАК (п. 9 Положения), а её автор, Евгения Олеговна Новосёлова, заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

На автореферат диссертации поступил положительный отзыв от Груниной Ольги Николаевны, кандидата педагогических наук, доцента кафедры восточных языков, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт стран Востока».

Рецензент отмечает, что актуальность диссертации заключается в

том, что до сих пор не было работ, исследующих процесс формирования японской буддологии в его исторической динамике и выделяющих конкретные хронологические рамки академизации японских буддологических исследований. Несомненным достоинством и новизной исследования является попытка впервые в отечественной исторической науке представить процесс внедрения идей европейских научных школ в японское религиозоведение как процесс не прямого заимствования, а гибридизации с уже существовавшей японской научной традицией.

Подобный подход ценен с точки зрения современного отказа от евроцентризма в исследовании межкультурного взаимодействия и соответствует провозглашенному «повороту на Восток» в отечественной геополитике. Работа обладает несомненной теоретической и практической значимостью, ее результаты могут быть применены в преподавании истории религии, философии, всеобщей истории, истории Востока и при написании учебных пособий.

Структура автореферата включает традиционные элементы. Во введении освещается актуальность исследования, формулируются цель, задачи, объект и предмет исследования, а также положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость, научная новизна работы. Структура работы представляется оптимальной с точки зрения логики решения поставленных задач.

Вместе с тем, в положении № 5, выносимом на защиту, представлялось бы целесообразным уточнение формулировки: вместо «первые буддологические исследования в Японии» добавить «первые буддологические исследования конца XIX века», т.к. исследования более раннего периода не предполагали защиту буддизма. Это замечание носит технический характер и не влияет на высокую оценку работы в целом.

По прочтении автореферата можно констатировать, что цель, поставленная автором, достигнута, поставленные для ее достижения задачи

успешно решены; полученные в ходе исследования результаты вносят серьезный вклад в теоретические и практические исследования формирования японской буддологической науки и намечают новые области теоретических и практических исследований.

Самостоятельность и завершенность освященного в автореферате исследования, его теоретическая и практическая ценность дают основание для вывода о том, что автореферат диссертации Е.О. Новосёловой на тему «Влияние западной исторической науки на формирование японской буддологии в конце XIX - начале XX века» отвечает всем требованиям, предъявляемым к диссертационным исследованиям, а его автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. – Всеобщая история.

Выбор официальных оппонентов обусловлен их компетентностью и признанным научным авторитетом в области исследования интеллектуальной истории, теории и методологии исторической науки, а также истории мирового востоковедения, а также значимым вкладом в изучение процессов межкультурного научного трансфера и трансформации восточных философских систем под влиянием западных исследовательских парадигм. Экспертный статус оппонентов подтверждается их многочисленными публикациями в научных рецензируемых изданиях, участием в проектах, связанных с тематикой диссертации, опытом оценки работ аналогичного методологического профиля и, соответственно, способностью определить научную и практическую значимость диссертации.

Выбор первого официального оппонента, доктора исторических наук, доцента, профессора Мартынова Дмитрия Евгеньевича обусловлен тем, что Дмитрий Евгеньевич является ведущим специалистом в области интеллектуальной истории стран Дальнего Востока и истории востоковедения. Его экспертный уровень необходим для оценки специфики восприятия западных концепций в восточной культурной среде, методологии сравнитель-

ного анализа философских и исторических школ Востока и Запада, контекста развития гуманитарной мысли в период модернизации (эпоха Мэйдзи).

Выбор второго оппонента, Воробьевой Ольги Владимировны, кандидата исторических наук, доцента, ведущего научного сотрудника обусловлен тем, что Ольга Владимировна - признанный эксперт в области теории и методологии исторической науки, а также западной историографии. Она – единственный отечественный специалист, писавший о трансферном подходе применительно к японской интеллектуальной истории. Её участие как оппонента обосновано необходимостью анализа теоретических конструктов «западной исторической науки», которые влияли на японскую научную мысль, механизмов трансфера научных идей и формирования новых исследовательских парадигм и научного инструментария, который западные ученые привносили в изучение буддийских текстов и истории.

Выбор ведущей организации - Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт восточных рукописей Российской академии наук» (ИВР РАН) обусловлен его статусом одного из ведущих мировых и крупнейшего в России центра изучения письменного наследия Востока, а также признанным авторитетом в области исследования буддийской культуры и истории востоковедения. В институте сформирована уникальная научная школа буддологии и востоковедного источниковедения, а его сотрудники проводят фундаментальные исследования в области интеллектуальной истории Японии и процессов межкультурного взаимодействия. Научный профиль организации, наличие специализированных отделов (в частности, Отдела Дальнего Востока, который проводил экспертизу данной диссертации), а также обширный опыт изучения истории становления мировых научных школ позволяют коллективу ИВР РАН глубоко и всесторонне оценить научную новизну, теоретическую и практическую значимость представленного исследования.

Диссертационный совет отмечает, что на основании выполненных соискателем исследований:

-разработана оригинальная концепция развития японской буддологии на рубеже XIX–XX вв., в рамках которой процесс освоения европейского научного опыта интерпретирован не как прямое заимствование, а как сложный механизм гибридизации западных идей с предшествующей национальной интеллектуальной традицией;

-разработана авторская комплексная периодизация процесса становления японской буддологии в качестве самостоятельной академической дисциплины, позволившая систематизировать этапы её формирования;

- доказан избирательный характер рецепции понятийного аппарата европейской исторической мысли японским научным сообществом, а также выявлены поэтапные критерии отбора и адаптации научных понятий японским академическим сообществом;

- впервые в отечественной науке характеризованы и обоснованы уникальные черты японской буддологической школы, а также раскрыты их принципиальные отличия от классических европейских моделей;

- впервые введен в исследовательскую практику и адаптирован применительно к японскому материалу междисциплинарный подход на основе теории «коммуникативных сетей» (фр. *Le réseau de communication*), что позволило реконструировать каналы интеллектуального обмена между европейскими и японскими учеными;

- впервые в науке изложена эволюция научного инструментария японской буддологии в его исторической динамике, что позволило проследить качественные изменения методов исследования религии в конце XIX–начале XX вв.

Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности ВАК 5.6.2. Всеобщая история. Содержание диссертации соответствует требованиям, установленным пунктом 14 Положения о присуждении ученых степеней, научной специальности 5.6.2. – Всеобщая история, областям исследования: п. 4. «История международных отношений,

внешней политики, связей и взаимоотношений государств», народов и цивилизаций; п. 11. «История мировой культуры, науки и общественной мысли»; п. 13. «История религий и церкви»; п. 16. «Историография, методы исторического исследования и исторического познания».

Теоретическая значимость исследования обоснована тем, что:

- доказана необходимость пересмотра традиционных представлений о рецепции европейского знания в Японии как о пассивном заимствовании, и аргументирована концепция активной гибридизации идей, применительно к проблематике диссертации результативно использована теория межкультурного научного трансфера;

- изложены теоретические основы формирования научного аппарата японской буддологии, что вносит существенный вклад в понимание механизмов становления национальных академических школ в контексте глобальной истории науки;

- раскрыто своеобразие японского вклада в мировую буддологию через выявление уникальных методологических черт, сформировавшихся на стыке традиционной герменевтики и западного критического метода;

- проведена реконтекстуализация интеллектуального взаимодействия японских и европейских ученых на рубеже XIX–XX вв., что позволяет по-новому интерпретировать субъектность восточных исследователей в рамках международного научного обмена;

- обосновано влияние исторической динамики заимствований на состояние и методологический фундамент современной японской буддологии, что расширяет теоретическую базу для дальнейших историографических исследований.

Значение полученных соискателем результатов исследования для практики подтверждается тем, что:

- разработан и апробирован междисциплинарный транснациональный подход к анализу межкультурных взаимодействий, позволяющий преодолеть евроцентристские установки в изучении истории востоковедения

и гуманитарного знания;

- представлены авторские переводы фрагментов ранее не привлекавшихся в отечественной науке источников (лекций, статей, мемуаров, журналов), которые могут служить источниковой базой для последующих компаративных и историографических исследований;

- впервые на практике выстроена комплексная коммуникативная сеть взаимодействий межкультурных медиаторов, участвовавших в академизации японской буддологии;

- представлены результаты, которые могут быть непосредственно внедрены в образовательный процесс в вузах гуманитарного профиля при разработке и чтении базовых и специальных курсов по истории религий, всеобщей истории, историографии Востока и компаративистике;

- создана методологическая основа для деконструкции устоявшихся представлений о пассивном характере восточного восприятия западных идей, что имеет прикладное значение для экспертной деятельности в области международного научного сотрудничества и культурного диалога.

Оценка достоверности результатов исследования выявила, что:

- диссертация опирается на широкий круг источников и научных трудов на русском, английском, японском, немецком, китайском и французском языках, включающих теоретические труды, статьи и лекционные материалы ведущих европейских ученых-востоковедов, непосредственно участвовавших в формировании академической среды Японии; корпус классических философских и исторических сочинений западных мыслителей, послуживших методологическим фундаментом для японских исследователей; научное и публицистическое наследие японских ученых-буддологов, получивших образование в Европе, сочинения представителей традиционной японской учености и духовенства, работавших в рамках парадигм кангаку и кокугаку, что позволило проследить процесс гибридизации знаний; персональные документы (эго-документы), в том числе мемуары,

некрологи и эпистолярное наследие, позволившие реконструировать личные профессиональные связи внутри международного научного сообщества; комплекс письменных памятников Востока, послуживших объектом исследования рассматриваемых школ: сутры, монастырские и общенациональные хроники, жития монахов, буддийские трактаты и комментаторскую литературу; официальные государственные акты и нормативные, определявшие институциональные рамки развития науки в эпоху Мэйдзи; материалы специализированной периодической печати, включая буддологические и теософские журналы исследуемого периода, отражающие динамику научной дискуссии. и ставших проводниками западных научных парадигм;

- исследование базируется на апробированных теоретических положениях и исследовательских методах. Диссертант использовала оригинальные научные подходы, совместив их с методологическим инструментарием всемирно признанных школ и исследователей.

Личный вклад соискателя состоит в том, что автор самостоятельно провела комплексный поиск, систематизацию и критический анализ обширного массива источников (на японском, английском, немецком и французском языках), значительная часть которых впервые введена в отечественный научный оборот; осуществлен авторский перевод ключевых фрагментов источников, использованных в диссертации. Лично соискателем сформулирована и обоснована периодизация академизации японской буддологии, впервые в науке разработана и выстроена коммуникативная сеть взаимодействий межкультурных медиаторов в данном процессе. Выводы и научные положения, выдвигаемые для защиты и полученные автором лично, обоснованы, убедительны, самостоятельны и апробированы в ходе участия в международных и всероссийских научных конференциях.

Соискатель Новосёлова Е.О. в основном согласилась с критическими замечаниями, которые были сделаны ведущей организацией и официаль-

ными оппонентами, приняла их к сведению, обстоятельно ответила на возникшие вопросы и отдельные замечания с приведением собственной аргументации. Указанные замечания и рекомендации являются обоснованными и полезными для дальнейших исследований, обозначая перспективные направления дальнейшей работы соискателя в рамках изучаемой проблематики.

В ходе защиты диссертации были высказаны следующие критические замечания:

-д.и.н. Микульский Д. В. спросил, насколько характерно для современной японской науки некорректное оформление научных статей, поскольку эта проблема существует в среде арабских ученых, а также о том, как в японской науке решается вопрос о дистанции между личной верой и академической объективностью. Диссертант ответила, что случаи некорректного оформления встречаются и в японских публикациях. По вопросу о конфликте веры и исследовательской объективности, диссертант ответила, что в современной японской науке личные убеждения исследователя обычно остаются «за скобками» научного аппарата, а процесс институционализации японской буддологии в эпоху Мэйдзи характеризовался методологическим дуализмом. Японские ученые, прошедшие обучение в Европе, адаптировали западные критические методы к местному контексту. С другой стороны, значительную роль в образовательном процессе продолжало играть буддийское духовенство с классическим конфуцианским образованием. Будучи носителями догматической традиции, они не только знакомили слушателей с доктринами конкретных школ, но и в попытке синтеза буддизма с западной философией помогали выстраивать буддизм как системный объект исследования. Поэтому конфликт убеждений и объективности исследователя не стоит столь остро, как в западной науке.

- д.и.н., к.б.н., Кузьмин С. Л. спросил о том, какую роль в трансфере играл христианский компонент. Диссертант ответила, что роль христиан-

ского компонента в трансфере была значимой, но зачастую носила косвенный характер. Само понятие сюкё (религия) в официальном дискурсе эпохи Мэйдзи долгое время служило маркером именно для христианства. Христианство воспринималось как образец «организованной религии» с четкой догматикой и институтами. Пытаясь защитить национальную идентичность, японское правительство и буддийские интеллектуалы были вынуждены «подтягивать» буддизм под эти западные лекала, чтобы он мог выступать в правовом поле как равноправный - и при этом лояльный государству - противовес христианскому влиянию. Христианский компонент выступал и своего рода фильтром. Например, закон трех стадий Огюста Конта не прижился в японской буддологии именно из-за его жесткой привязки к авраамической модели. Несмотря на формальное противостояние, были примеры академического сотрудничества. Например, христианский университет Досия оказывал поддержку буддийским делегатам при подготовке к Всемирному парламенту религий в Чикаго (1893 г.). Это подчеркивает, что на институциональном уровне важнее было само признание Японии как «цивилизованной нации», обладающей собственной глубокой духовной традицией, способной говорить на одном языке с западной мыслью, и интеллектуалы различных убеждений объединялись для достижения этого признания.

-д.и.н. Китинов Б. У. спросил о роли Индии как посредника в трансфере, упомянув, в частности, визиты Рабиндраната Тагора в Японию. Диссертант ответила, что в план исследования изначально входило подробное рассмотрение посреднической роли Индии и Тибета в трансфере. Однако, в целях соблюдения разумных объемов диссертации и фокусировки на основном предмете исследования — влиянии западной исторической науки на формирование японской буддологии в конце XIX - начале XX вв. - было принято решение ограничиться преимущественно европейско-японским культурным трансфером. Диссертант надеется, что сможет восполнить дан-

ную лакуну в своей монографии. Что касается Рабиндраната Тагора, его визиты действительно снискали большую поддержку среди японских буддистов, однако после 1929 года критика Тагором японского милитаризма и концепции «Трех буддийских царств» вызвала болезненную реакцию в японском обществе: его идеи были восприняты как противоречащие национальным интересам империи, что привело к маргинализации его влияния в Японии, в частности со стороны нитирэнистов. Диссертант также подчеркнула, что среди японских буддологов было много ученых-«индофилов», и эта «индофилия» не всегда была вторичной по отношению к европейской науке. Существовал мощный вектор, в котором Индия воспринималась как идеологический антипод Европы. В этом контексте чрезвычайно интересен опыт работы японских буддологов в Калькуттском университете как пример выстраивания горизонтальных связей именно между азиатскими учеными, и который диссертант в дальнейшем хотела бы подробно осветить в монографии.

-д.и.н., профессор Мещеряков А.С. высказал замечание относительно использования термина «кё:» (яп. 經) для обозначения сутры в применении к труду «Ботаническая сутра» (яп. 菩多尼訶經; Ботаникакё:) Удагава Ёан, т.к. этот иероглиф стабильно применялся для обозначения китайских трактатов, особенно поздних, и что в таком контексте использование иероглифа не указывает на влияние буддистов на развитие рангаку. Диссертант ответила, что такое использование термина обусловлено тем, что Удагава Ёан намеренно использовал архитектуру сутры, чтобы представить систему Карла Линнея не как сухой научный каталог, а как форму неоспоримой истины, используя близкий пониманию и авторитетный для японского читателя формат текста.

-д.и.н., к.б.н., Кузьмин С. Л. добавил, что, использование религиозного термина для обозначения светского трактата терминологически проблематично, так как содержание труда не имеет отношения к буддийскому

вероучению, а «сутрой» традиционно именуются только тексты, содержащие слова самого Будды Шакьямуни. Диссертант согласилась с необходимостью дополнительного терминологического разграничения светского содержания трактата и его жанрового обозначения. Диссертант подтвердила готовность внести соответствующие пояснения (сноски), указывающие на то, что термин «сутра» применительно к «Ботаника-кё:» отражает лишь внешнюю форму подачи материала, принятую автором для легитимизации европейского знания. Диссертант также отметила, что такая форма подачи материала неслучайна, т.к. один из старейших японских атласов по ботанике «Свиток лошадиной медицины» (яп. 馬医草紙絵巻; Байсо:си-эмаки) 1267 года использует буддийскую лексику в наименовании растений для простоты запоминания, что является следованием схожим канонам записи тибетских и монгольских медицинских трактатов.

-д.и.н. Китинов Б. У. согласился с диссертантом, подчеркнув, что в дальневосточной культуре статус «сутры» мог присваиваться тексту не по формальному признаку авторства Будды, а по значимости содержащейся в нем Истины, а в широком бытовом применении в монгольском и японском мире этот термин также служил синонимом «старой книги». В частности, «Сутра помоста шестого патриарха» - текст, созданный не Буддой, а китайским наставником (Хуэйцзэном, VII в.), тем не менее, получил статус «сутры» и потому такое наименование оправдано.

-д.и.н., профессор Мещеряков А.С. высказал замечание, что в историческом разделе работы слабо представлены российские разработки по древней истории Японии, а ссылки даны преимущественно на иностранных авторов. В частности, он подчеркнул необходимость включить в историю вопроса корпус российских исследований по трудам Китабатакэ Тикафуса и Дзиэн, т.к. данные вопросы глубоко проработаны в отечественной науке. Также он сделал замечание касательно излишне широких мазков в рассуждениях и наличии ошибок в филологической составляющей, в частности,

неточности в прочтении иероглифов. Диссертант согласилась с данным замечанием и заявила, что дополнит данный раздел в монографии, также отметив планы представить материал в более узких рамках, с большей точностью и аккуратностью в филологических аспектах в последующей монографии.

- д.и.н. Аликберов А.К. задал вопрос о причинах выбора трансферного подхода, поскольку один из его создателей, Михаэль Вернер, впоследствии отошел от него в пользу исследований методом кросс-культурной истории. Диссертант ответила, что специфика материала требовала построения «коммуникативной сети» межкультурных медиаторов (кросс-культурные исследования также прибегают к построению сетей, но реляционные – их основной фокус направлен на точки пересечения, где культуры обмениваются на равных, а не посредниках или векторе изменения понятия), а для этой цели лучше подходит именно трансферный подход. Диссертант также добавила, что именно возможность построения такой сети на практике привлекла ее внимание к теории культурного трансфера, поскольку слишком часто проблему трансфера сводят к проблеме перевода, игнорируя практический аспект. Диссертант же полагает, что именно данный инструмент позволил наглядно продемонстрировать, как европейские знания трансформировались в понятный японцам инструментарий.

-д.и.н. Аликберов А.К. задал вопрос о правомерности включения трудов Е. П. Блаватской в историографический обзор диссертационного исследования, указав на риск превратного толкования роли данной фигуры в научном контексте, поскольку её деятельность носила оккультный, а не академический характер. Вопрос поддержал д.и.н., к.б.н., Кузьмин С. Л., заметив, что по мнению ряда экспертов, Блаватская является фальсификатором и ее труды нерелевантны для научного дискурса. Диссертант пояснила, что фигура Е. П. Блаватской включена в исследование не в качестве научного авторитета, а как объект историко-социологического анализа в контексте

взаимодействия теософских и буддийских периодических изданий. Использование данного материала продиктовано необходимостью продемонстрировать глубокий внутренний когнитивный диссонанс внутри самого теософского движения. В работе подчеркивается разрыв между вольной интерпретацией буддизма Е. П. Блаватской (ошибочно приравнивавшей его к немецкому идеализму) и более прагматичным подходом Г. С. Олкотта, непосредственно взаимодействовавшего с сангхой. Диссертант подчеркнула, что именно отсутствие единого и адекватного понимания буддизма среди теософов-посредников стало ключевой причиной неудачи первой миссии в Великобританию под руководством Ч. Фондеса в 1889 году, а «превратное понимание» учения со стороны европейцев вызвало ответный шквал критики со стороны японских буддистов, которые аргументированно обвинили посредников в некомпетентности. Таким образом, упоминание Е. П. Блаватской в диссертации служит для верификации исторического факта: идеологическая эклектика теософов не позволила им стать эффективным каналом трансляции знаний, что привело к конфликту с японской стороной и дискредитации их миссионерских усилий.

Отвечая на замечания, сделанные ведущей организацией, диссертант отметила, что:

1. [Замечание о выборе источников в качестве объекта исследования]

Поскольку целью работы является изучение академизации японской буддологической дисциплины по европейскому образцу на рубеже XIX-XX веков посредством рецепции европейских научных знаний в японской буддологии, то зачастую сам текст источника (особенно если речь о дискуссиях на страницах журналов) становился полем преобразования смыслов и поэтому, объектом исследования логично следует считать источники по японской академической буддологии конца XIX - начала XX веков.

2. [Замечание о некорректном цитировании]

Диссертант признает допущенную техническую погрешность в оформлении подстрочных ссылок на журнальные статьи и межавторские

сборники. Ориентируясь на краткие международные стандарты цитирования периодики, она допустила избыточное сокращение данных в постраничных сносках. Однако диссертант подчеркивает, что в Списке использованных источников и литературы (который является фундаментом работы) все данные приведены в полном объеме согласно ГОСТу.

3. [Замечание о цитировании сборника С.К. Личи и Х.М. Крамера]

Согласна диссертант и с замечанием о неточности в указании имен на указанных страницах. Досадная путаница в именах Стефана Кигенсана Личи, Ханса Крамера и Ориона Клаутау возникла на этапе финального редактирования текста в связи с тем, что данные исследователи являются постоянными соавторами и редакторами серии изданий по истории востоковедения в издательстве Brill. Диссертант подтверждает, что указанный сборник 2023 года вышел именно под редакцией С. К. Личи и Х. М. Крамера. Данная техническая ошибка в именах редакторов не привела к искажению анализа научных идей, содержащихся в данном труде.

4. [Замечание об анахронизмах]

Диссертант признает справедливость замечания уважаемой ведущей организации относительно упоминания Токугава Мицукуни в контексте законотворчества начала XVII века. Здесь была допущена досадная стилистическая неточность: под «активным участием» подразумевалось не личное присутствие князя при составлении указов бакуфу, а его последующая роль в идеологическом обосновании этих норм (Токугава Мицукуни находил их даже излишне мягкими) в рамках его исторической школы Мито. Точнее было бы сформулировать, что он также активно влиял на религиозную политику в первой половине периода Эдо. Датировка «Манъёсю» XVII веком является опечаткой диссертанта.

5. [Замечание о законодательстве принца Сётоку]

Диссертант согласна с тезисом о синкретичности сознания людей той эпохи, но следует всё же отметить, что в тексте «Конституции 17 статей» прослеживается четкая функциональная иерархия. Если конфуцианские

нормы (ст. 1, 3) описывают механику государственного управления и социальный порядок, то Статья 2 выделяет буддизм как единственный «абсолютный ориентир» и «конечную опору» (кё:ки) для всех существ. Таким образом, Сётоку не просто не разделял их, а сознательно ставил буддизм в позицию высшей этической санкции, которая должна была облагораживать конфуцианскую административную структуру.

6.[Замечание о «хикан» и «сикан»]

Диссертант признает, что на с. 64 оказались перепутаны чтения иероглифов «хикан» и «сикан», что ввело автора отзыва в заблуждение, однако же в японском языке существуют два слова «сиган» 此岸 и «хиган» 彼岸 (букв. «этот берег» и «тот берег»), обозначающие сансару и нирвану соответственно, поэтому в данном случае их связь с буддийской традицией выглядит вполне обоснованной.

7. [Замечание об обширном цитировании оригинальных текстов]

Что касается «обширного цитирования», диссертанту не вполне ясно, что подразумевает автор отзыва, поскольку исследование восточной историографии, в данном случае, японской, подразумевает соответствующую работу с источниками на языке оригинала и цитирование в качестве доказательной базы.

Диссертант благодарит глубокоуважаемых научных сотрудников Института восточных рукописей Российской академии наук, выступившего в качестве ведущей организации: с.н.с., к.и.н. Василия Владимировича Щепкина и зав. Отделом Дальнего Востока Татьяну Александровну Пан и и.о. директора ИВР РАН члена-корреспондента РАН, д.и.н. Попову Ирину Фёдоровну за подготовленный отзыв и сделанные замечания, которые обязательно будут учтены в дальнейшей работе.

Отвечая на замечания официального оппонента д.и.н., профессора Мартынова Д.Е. диссертант отметила, что:

8. Диссертант полностью согласна с замечанием оппонента о том, что диссертанту следовало бы сослаться на монографию А.А. Толстогузова

«Японская историческая наука. Очерк истории». Диссертант благодарна уважаемому оппоненту за этот ценный комментарий и надеется использовать его в дальнейшем исследовании.

9. Диссертант также согласна с замечанием, что следовало учесть русский перевод «Самгук юса», выполненный Ю.В. Болтач. Диссертант благодарна за ценное замечание и надеется использовать его в дальнейшем исследовании. Что касается выбора перевода авторитетного издательства «Цилинь вэньши чубаньшэ», он обусловлен методологической установкой диссертации. Поскольку в работе доказывается, что современная японская наука во многом продолжает определяться процессами гибридизации, заложенными в конце XIX — начале XX вв., диссертант посчитала принципиально важным опираться на те варианты прочтения и интерпретации текста, которые приняты в современной восточноазиатской академической среде.

10. Относительно замечания уважаемого оппонента о неоднозначности утверждения о «кризисе институализированного буддизма, уступившего свое влияние конфуцианству» диссертант согласна с тем, что в данном случае следовало бы сформулировать данный тезис более обтекаемо и, возможно, конкретизировать, например: «по крайней мере, в отношении большинства интеллектуальной элиты». Однако, относительно замечания уважаемого оппонента о конкретизации тезиса на с. 48 «сами буддисты обращаются к конфуцианской терминологии в попытке защитить свою веру от критики» диссертант отмечает, что данное утверждение аргументировано примерами полемики между буддийскими монахами Дзякухон, Докай Тёон и Хаяси Радзан также на с. 48-49. Относительно избыточности слова «аффилирован» в представленном контексте диссертант согласна.

11. Диссертант согласна с замечаниями уважаемого оппонента относительно опечаток и стилистических ошибок.

12. Диссертант не согласна с мнением уважаемого оппонента относительно того, что «три параграфа соответствуют всего одной исследовательской задаче, что внешне обедняет исследование». Поставленная первая

задача: определить, существовала ли в Японии до знакомства с европейской наукой традиция собственных буддологических исследований нуждалась в развернутом, детализированном, подробно аргументированном описании, отсутствие которого, напротив, обеднило бы доказательную структуру исследования, поставив под сомнение саму возможность существования необходимых условий для процесса культурного трансфера.

13. Диссертант полностью согласна с замечанием уважаемого оппонента по поводу того, что «теоретическая основа диссертации, к несчастью, представляет собой перечисление, которому не хватает аналитичности» и могла быть структурирована лучше.

Отвечая на замечания официального оппонента к.и.н., доцента Воробьевой О.В. диссертант отметила, что:

14. По поводу первого замечания о том, что не очень удачно сформулирована цель исследования, заключающаяся в анализе академизации японской буддологической японской буддологической дисциплины по европейскому образцу, диссертант согласна с тем, что точнее было бы сформулировать, что целью является «исследование», а анализ отнести к конкретным задачам.

15. Диссертант благодарна уважаемому оппоненту за уточнение причин переключения японских исследователей с англо-французских на немецких и полностью принимает данную аргументацию относительно решающей роли книги Г. Зерффи в процессе популяризации немецкой исторической школы в Японии.

16. По поводу замечания уважаемого оппонента относительно критики касательно определения Хаяси Радзан как «первого профессионального историка Японии» диссертант отмечает, что стремилась не столько к критике позиции оппонента в данном вопросе, сколько о собственном представлении о взглядах Хаяси Радзан на историю Японии. Разумеется, диссертант не считает свою позицию в данном вопросе единственно верной и благодарна оппоненту за возможность провести по этому вопросу научную

дискуссию. Диссертант не отказывает в профессионализме Хаяси Радзан (тем более, что как отметил оппонент, любой историк по-своему пристрастен), но подчеркивает, что его деятельность имела целью решение конкретных идеологических задач, а методология и взгляды на буддизм были в значительной степени ограничены конфуцианским восприятием, и коль скоро сам Дж. Бронли называет его «позитивистом», требовалось уточнить, что в современном научном смысле позитивистом он не являлся. Что касается интерпретации о статусе Людвига Рисса как ранкеанца, диссертант признает значение влияния Ранке, и тот факт, что идеи Ранке были близки Риссу во многом благодаря влиянию Ханса Дельбрюка и Генриха фон Зибеля. Однако Рисс также в 1901 году, в самый разгар «ранкеанского движения», в письме Дельбрюку открыто высмеял идею создания отдельной историографической школы вокруг фигуры Ранке, предложенную немецкими историками Куртом Брейзигом и Карлом Лампрехтом. Таким образом, диссертант полагает, что Рисс воспринимал принципы Ранке не как научную школу, а как универсальный инструментальный критический работы с источниками, и именно это позволило ему выступать в Японии в роли независимого медиатора, адаптирующего европейские стандарты под нужды японской академической среды, не ограничиваясь рамками одной национальной школы. Тем не менее, это также мнение диссертанта, не претендующее на универсальную истину, и диссертант благодарна за возможность провести дискуссию по данному вопросу.

17. Диссертант абсолютно согласна с замечанием уважаемого оппонента, что стадии трансфера являются «интеллектуальными конструктами», но посчитала инструментальной необходимостью разграничение стадий для наглядности. Разграничение стадий позволило структурировать и наглядно продемонстрировать качественную динамику процесса - от первичного накопления знаний к глубокой методологической гибридизации, зафиксировать «точки перелома» в отношениях политических институтов с

буддологическим сообществом. Поэтому данные конструкты служат необходимым каркасом, позволяющим верифицировать выдвинутое на защиту положение о неравномерном развитии различных направлений буддологии.

18. Диссертант согласна с замечанием уважаемого оппонента по поводу того, что в диссертационном исследовании отсутствуют указанные им актуальные работы по культурному трансферу, сожалеет о подобном упущении и надеется восполнить этот недостаток в дальнейшем исследовании.

Отвечая на замечания рецензента к.п.н., доцента Груниной О.Н. диссертант отметила, что:

19. Диссертант выражает признательность за данное замечание и соглашается с предложенной корректировкой. Формулировка «первые буддологические исследования конца XIX века» более корректна с исторической точки зрения, так как она снимает двусмысленность в отношении более ранних периодов. Диссертант благодарит за помощь в уточнении положений работы.

На заседании **16 февраля 2026 г.** диссертационный совет **24.1.041.01** принял решение:

за решение научной проблемы, имеющей важное значение для отечественного и мирового востоковедения (реконструкции механизмов интеллектуального трансфера и гибридизации западных и восточных научных парадигм, определивших специфику становления японской буддологии как самостоятельной академической дисциплины на рубеже XIX–XX вв., выявлении структуры и динамики коммуникативных сетей между европейским и японским научными сообществами, обеспечивших интеграцию Японии в глобальное пространство гуманитарных исследований при сохранении национальной идентичности научной школы), присудить Новосёловой Евгении Олеговне ученую степень кандидата исторических наук.

При проведении тайного голосования диссертационный совет в количестве 16 человек, из них 11 докторов наук по специальности рассматриваемой диссертации, участвовавших в заседании, из 22 человек, входящих

в состав совета, проголосовал: за — 12, против — 4, недействительных бюллетеней — 0.

Председатель диссертационного совета

Аликберов Аликбер Калабекович

Ученый секретарь диссертационного совета

Петрова Анастасия Андреевна

«19» февраля 2026 г.